

Игорь Орлав

Архив чужих чувств

КодМЫ

Научная фантастика

Игорь Орлав

Архив чужих чувств

<https://litres.ru/74567893>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сава и Мирон не разговаривали шесть лет — с того дня, когда закрылась их общая мастерская. Теперь архив позволяет им на семьдесят две секунды пережить записанные чувства друг друга. Сава хочет понять давний отказ, Мирон — услышать признание причинённого вреда. Но чужая боль не меняет прошлого, а созданную ими ветровую машину уже собираются разобрать. Пока ещё можно её спасти, бывшим друзьям предстоит решить, что они готовы сделать друг для друга за пределами архивной комнаты.

Содержание

1. Клавиша под ладонью	5
2. После закрытия двери	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Орлав

Архив чужих чувств

Все персонажи, организации, события и технологии в этой книге вымышлены. Совпадения с реальностью случайны.

1. Клавиша под ладонью

Сава вытряхнул из рукава латунную птицу. Она стукнулась о стол, раскрыла клюв и осталась лежать на спине.

— По-прежнему носишь работу в одежде, — сказал Мирон.

Первое, что он сказал Саве за шесть лет, оказалось почти прежней шуткой. Сава приготовился ответить, но Мирон уже отодвинул птицу от края. Длинные пальцы, белая черта старого шрама на костяшке. Сава помнил эту руку лучше, чем собственный вчерашний ужин.

— Это здешняя. В холле не работал звонок.

— И ты не смог войти, пока не разобрал?

— Войти смог. Сидеть не смог.

Мирон коротко усмехнулся. Потом опять стал человеком, с которым Саву разделяли шесть лет и прямоугольный стол архивной комнаты.

Комната была небольшой. Два кресла смотрели чуть в разные стороны, словно их развернули после неудачного разговора. У каждого правого подлокотника лежала широкая охристая клавиша. Между креслами, в неглубокой выемке стола, помещалась молочно-янтарная пластина. Сейчас она не светилась. За матовым стеклом коридора проплывали размытые силуэты; сюда не проникало ни единого слова.

Сава снял красные круглые очки, протёр их краем рубаш-

ки. В зеркальной полосе шкафа блеснула его выбритая голова. Ему было сорок восемь, но рядом с Мироном он неприятно почувствовал себя тем тридцатилетним толстяком, который вечно первым предлагал: сейчас всё устроим.

Мирон постарел иначе. Сухое лицо вытянулось, седые волосы касались воротника, и он по-прежнему убирал их за уши двумя пальцами. Под глазами появились глубокие складки. Сава не знал, какие из них вправе отнести на свой счёт, и злился на самую привычку так считать.

В пятницу Мирон прислал первое за долгие годы сообщение: короткую просьбу исправить старую бумагу. Сава предложил встретиться в архиве Таля. Ему казалось, что слова они уже истратили, а сохранённые впечатления позволят наконец договорить. Мирон согласился при условии, что после приёма они останутся и поговорят. Оба сохранили переписку, словно боялись, что другой потом иначе вспомнит даже эту договорённость.

Архивист Нина Эрт принесла две серебристые дуги.

— Кто-нибудь раньше принимал чужую запись?

— Я, — сказал Сава. — Учебную. При настройке хранения.

— Я только сдавал, — сказал Мирон.

Нина положила дуги на чистые салфетки. Они охватывали затылок; две овальные площадки должны были лечь у висков. Никаких шлемов, ни одной иглы. От этого процедура выглядела почти домашней, что тревожило Саву сильнее ме-

дицинской строгости.

— Обсудим, что именно вы разрешаете. Здесь два шестиминутных фрагмента, записанных в один день, шесть лет назад. Оба получены регистраторами в момент события. Выбрать воспоминание из головы мы не можем. То, что тогда не записалось, сейчас не появится.

— Знаю, — сказал Сава.

Нина взглянула на Мирона и продолжила:

— Шесть минут записи сжимаются до семидесяти двух секунд приёма. Мы передаём рисунок напряжения, облегчения, телесного ожидания, направление внимания. Ни слов, ни изображения, ни ваших мыслей другой человек не получит. Он будет искать объяснения в собственной памяти. Иногда очень убедительные. Убедительность ничего не подтверждает.

На столе она открыла две полосы записи. В Савиной несколько коротких участков были белыми; Миронова почти целиком сохраняла цвет.

— Белое — утраченный канал. Его не достраивают. Переключение может ощущаться как пустота. Интенсивность ограничена, но неприятно всё равно бывает. Одна принятая запись в день. Если остановитесь раньше, остаток сегодня не дослушаете.

Мирон положил ладонь на клавишу.

— Нажать?

— Да. Сейчас попробуйте.

Под его ладонью щёлкнуло.

— Поток прекращается сразу. Ощущения могут некоторое время оставаться, как после обычного волнения. Если нужно, посидим. Остановить может и владелец записи, и я. Продолжение — только с новым согласием. В любой момент можно отказаться от всей процедуры. Объяснение не требуется.

— А если он остановит мою запись? — спросил Сава.

— Значит, она остановится.

В ответе не было ни строгости, ни утешения. Сава кивнул слишком быстро.

Архивист дала им прочитать названия фрагментов. «Коридор у распределителя». «После закрытия двери». Названия они когда-то придумали сами, в разные дни, уже после ссоры. До сих пор Сава считал Мироново название упрёком, предназначенным лично ему, хотя никто не обещал, что он когда-нибудь его увидит.

В тот год городской архив собирал впечатления мастеров перед открытием новых работ. Они с Мироном готовили запуск ветровой машины: воздух шёл через деревянные язычки, железные чашки и тонкие мембраны, каждый посетитель мог изменить звук поворотом рукоятки. Регистраторы выдали на неделю. Сава забыл снять свой, когда его вызвали к распределителю. Мирон оставил свой на голове, когда узнал, что мастерскую закрыли окончательно. Позднее оба согласились сохранить короткий личный фрагмент. Общего пер-

вого звучания в архиве не оказалось.

— Вы хотите что-то сказать до начала? — спросила Нина. Сава посмотрел на Мирона.

— Я хочу понять, почему ты даже не ответил. Я предлагал помещение. Деньги на перевозку. Ты исчез, будто всё, что было до этого, тоже стало неправильным.

— А я хочу, чтобы ты наконец назвал то, что сделал.

— Я уже называл.

— Нет. Ты объяснял, почему тебе пришлось.

Птица на столе издала слабый хрип. Сава, сам не замечая, придерживал пальцем её пружину.

Нина подождала, пока он убрал руку.

— Запись не даст вам готового ответа на эти вопросы. Мы можем её воспроизвести.

— Для этого и пришли, — сказал Сава.

Мирон не ответил сразу. Его взгляд упал на птицу.

— У неё хвост зажат.

— Я видел. Там втулка.

— Не втулка. Перо согнуто внутрь.

Сава перевернул птицу. Мирон протянул ладонь, но не взял её, пока Сава не подал. Ногтем отогнул узкую пластинку, чуть повернул хвост и выпустил пружину. Птица свистнула двумя чистыми нотами, затем чихнула.

Они рассмеялись одновременно. Смех оказался неожиданным громким в тихой комнате, и Нина тоже улыбнулась, не спрашивая, что смешного. Сава помнил: третий звук всегда

портил торжественность, ради него они и любили такие механизмы.

— Теперь годится, — сказал Мирон.

— Для звонка?

— Для объявления чрезвычайно важных гостей.

Он поставил птицу на лапки. Сава впервые за утро почувствовал не страх и не досаду, а голод: хотелось после сеанса куда-нибудь пойти, заказать что-нибудь горячее, спорить о втулке ещё час.

— Я разрешаю этот фрагмент, — сказал Мирон, глядя на экран с шестиминутной полосой. — Один раз, сегодня, Саве Рудину.

Сава повторил разрешение для своей записи. Каждый отдельно подтвердил, что согласен принять другую.

Нина повернула его кресло ещё немного к окну.

— Первым вы. Не пытайтесь удержать всё. Если появится собственная картинка, помните: это ваша картинка.

Овальные площадки были прохладными. Сава положил ладонь рядом с охристой клавишей и вдруг подумал, что ещё минуту назад они вполне могли бы уйти вместе, не включая ничего.

2. После закрытия двери

Сначала ему захотелось поправить воротник. Ткань будто стала тесной, хотя верхняя пуговица рубашки была растёгнута. Потом возникло ясное, почти счастливое ожидание: сейчас откроется дверь, сейчас позовут.

Сава знал, что сидит в кресле. Видел стекло, собственные колени, край стола. Но всё это сделалось неважным. Важное находилось за чем-то закрытым.

Он ждал не допуска внутрь. Он ждал, чтобы кто-то заметил ошибку.

Ожидание сломалось так внезапно, что Сава подался вперёд. Внутри не прозвучало ни слова, однако он сам подставил слова: меня больше нет. Подставил свой голос, своё детское воспоминание о переключке, на которой пропустили его фамилию. Он успел узнать подмену и всё равно не смог от неё отстраниться.

Затем пришла злость. Не горячая, удобная злость, с которой можно встать и кому-нибудь ответить. Тяжёлая, почти неподвижная. Она не давала даже решить, куда положить руки.

На внутренней стороне запястья возникла уверенность в чужом прикосновении. Сава увидел — собственным воображением — себя у двери мастерской. Увидел, как кладёт Мирону руку на плечо. Этого он не помнил. Или помнил? Он

попытался разглядеть лицо, и лицо немедленно оказалось таким, каким боялся его увидеть: сытым, снисходительным.

Рисунок переживания резко изменился. В нём появилось что-то маленькое, стыдное, совсем не предназначенное другому: желание, чтобы один определённый человек вернулся. Сава почувствовал его раньше, чем догадался отнести к себе. Тогда стало хуже.

Световая полоска у стола погасла.

— Семьдесят две, — сказала Нина.

Сава остался сидеть, опираясь обеими ладонями на подлокотники. Рубашка снова была свободной. За стеклом прошёл человек с тележкой, и Сава проводил его глазами, благодарный простой возможности смотреть на чужую работу.

— Не вставайте сразу.

— Я тебя ждал, — произнёс он.

Мирон поднял голову.

— Что?

— То есть ты. Ты меня ждал.

— В какой момент?

Сава не знал. Внутри впечатления не было часов.

Нина сняла дугу и дала ему воду. Он не стал объяснять про лицо у двери. Лицо было его собственным изобретением, а желание сделать из него доказательство уже успело возникнуть.

Мирон молча рассматривал янтарную пластину. Он тоже волновался; это было видно по тому, как он прижимал но-

сок ботинка к ножке кресла. Прежде Сава непременно сказал бы: всё нормально. Теперь подождал.

— Готов? — спросила Нина через несколько минут.

— Да.

Сава подтвердил, что разрешение остаётся в силе. Пока архивист меняла носитель, Мирон обхватил серебристую дугу обеими руками, словно примерял обруч к деревянной заготовке. Потом надел.

Воспроизведение Савиной записи началось без внешних перемен. Только лицо Мирона утратило ту неподвижность, которую Сава сперва принял за спокойствие. Он нахмурился, дважды сглотнул. Пальцы правой руки легли на охристую клавишу.

Сава помнил, когда был записан его фрагмент: коридор, запах нагретой обшивки, люди за дверью распределителя. Он помнил семь секций здания, ожидавших отключения, и мастера, который перечислял сроки, а Сава не мог удержать их в голове. Помнил страшное облегчение, когда нашёл решение. Именно облегчения он почему-то боялся больше всего.

Мирон нажал клавишу.

Свет погас.

— Сорок девять секунд, — сказала Нина. — Приём прекращён.

— Но там дальше... — начал Сава.

Мирон снял дугу. Его рука всё ещё лежала возле выключо-

чателя. Нина не смотрела на Саву с укором; просто отключила пластину, извлекла её и положила между креслами.

Так они и сидели: Мирон с устройством на коленях, Сава с пустыми руками. Словно обменяли тяжёлые вещи и ни один не знал, куда поставить свою.

— Наверное, дальше ты успокоился, — сказал Мирон.

— Ты не дослушал.

— Я знаю. Сейчас мне хватит.

Сава разжал пальцы. Они успели стиснуть салфетку, на которой лежала его дуга.

Нина спросила, хотят ли они побыть одни. Оба кивнули. Она сказала, что будет за стеклом, и оставила дверь незапертой.

Мирон выпил половину воды.

— Я не знал, что ты так испугался.

Сава повернулся к нему всем корпусом.

— Там было семь секций. Сто восемьдесят человек. Я видел, как всё это встанет. Курсы, общая кухня, комнаты наверху. Времени на разговоры...

— Времени было мало, — перебил Мирон. — Но оно было.

— Теперь ты хотя бы понимаешь?

— Я понимаю, как тебе было страшно. Ты думал, что один отвечаешь за всё здание. Наверное, я раньше считал этот страх удобным объяснением. Он был настоящим.

Сава почувствовал, как внутри поднимается благодар-

ность, слишком быстрая, почти жадная.

— Значит...

— Я всё равно не разрешал тебе закрывать мастерскую от моего имени.

Благодарность остановилась, не успев превратиться в слово.

— Если бы я не подписал...

— Ты мог подписать за себя.

— Тогда решение бы не приняли.

— Вот.

Мирон поставил стакан. Сава хотел возразить и понял, что оба сейчас вернулись к разговору шестилетней давности, только его рубашка ещё хранила чужую тесноту.

Он посмотрел на дверь.

— Ты всё-таки ждал меня.

— Да. У ворот. После того как табличку поменяли. Думал, ты выйдешь и скажешь им, что произошла ошибка.

— Я тогда подошёл к тебе?

— Потом. Во дворе.

— Положил руку на плечо?

Мирон покачал головой.

— Ты нёс две коробки. Я ещё подумал: уже начал нас паковать.

В памяти Савы коробки нашлись немедленно. В одной лежали чашки из общей кухни, в другой — мокрые документы, которые он перенёс от протекавшего окна. Ни одной детали

мастерской. Но как объяснить это, не превратив чужую боль в ошибку сортировки?

— Коробки были с кухни, — всё же сказал он.

— Возможно.

— Я сейчас увидел другое. Будто стою над тобой, держу за плечо.

— Ты этого не делал.

Сава провёл ладонью по голой голове.

— Очень убедительно увидел.

— Мне в твоей записи показалось, что за дверью плачет женщина. Я даже решил, что это Уля.

— Ули там не было. Никто не плакал.

Они замолчали. Сава слышал вентиляцию и далёкий свист починенной птицы: Нина, должно быть, отнесла её в холл. Две ноты, чих. Мирон улыбнулся, но сразу прикрыл рот ладонью.

— Почему ты тогда отказался от помещения? — спросил Сава. — Я правда не понимаю.

— У тебя под кабинетом. С твоим пропуском. По вечерам, если не нужно для твоих людей.

— Я предложил то, что мог.

— А я не хотел каждый раз просить открыть дверь. Особенно у тебя.

Сава потянулся за стаканом. В этом ответе было что-то давно доступное и всё же новое: он предлагал Мирону место рядом с собой и называл это возвращением мастерской.

— Ты написал про пятницу, — сказал он. — Что именно увозят?

Мирон достал сложенный вчетверо лист. Он пользовался бумагой, когда хотел, чтобы сведения можно было положить перед человеком и не отбирать вместе с экраном.

— Всё, что осталось на нижнем складе. «Сквозняк» стоит в реестре как прекращённый по желанию двух руководителей. Невостребованное оборудование передают разным получателям. Машину разберут на материалы. Никому целиком она не нужна.

— Почему ты только сейчас...

Сава остановился. На листе были номера прошлых годов обращений. И позапрошлых годов. Мирон подвинул его ближе, не помогая закончить вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.